

Сильным женщинам,
которых порой нужно защищать...

Чутким мужчинам,
которые зачастую прячутся за щитом...

Моему отцу, надежному и чуткому.

Памяти старшего капрала Максима Бласко

Часто в одиночестве зарождаются встречи.

Шарль Пепен. Встреча, философия

Волен случай избавлять,
Волен случай пасть звездою,
Лоб мой вечным небосводом
Раскрывается под солнцем,
Вечной волей случая.

Поль Элюар. Волен случай

Глава 1

Два имени на почтовом ящике

Я слишком стар и ни на что не годен.

Они даже хотели запихнуть меня в дом престарелых.
Никогда, слышите? Не дождетесь!

Я хочу умереть здесь. По возможности прямо на этой скамейке, на краю леса.

Отсюда я смотрю на дом внизу и думаю о Мадлене.
Единственная от меня, старика, польза — помнить.

И идите вы все к черту, кто хочет, чтобы я сбрендил в вашем заведении! Голова моя пока со мной, а значит, в ней еще живет Мадлена.

Что меня сводит с ума, так это то, что дом разваливается. А ведь мы могли бы свить в нем семейное гнездышко. Мадлена и Жан Петижене. Славно бы смотрелось на почтовом ящике.

Вот бы оставить от прошлого только хорошее.

Вот бы это прошлое исправить. Я бы не сидел тут один, как дурак, на двух досках и не мечтал, чтобы в память о Мадлене жизнь вернулась на эту старую ферму.

Только из-за этого, поди, еще не помер.

Хочу знать, кто вдохнет в нее эту жизнь.

Глава 2

Мотылек

— Это мой! Подождите, ЭТО МОЙ!

Полиция уже оцепила участок, все службы в боевой готовности, моя собака ждет команды, чтобы обнюхать подозрительный предмет. Под сводами огромной крыши, раскинувшейся над девятью платформами Страсбургского вокзала, женский голос звенит, словно под куполом собора.

Обернувшись, я вижу запыхавшуюся девушку. На ней кроссовки, черные колготки и платье, плащ развеивается за спиной, сумка прижата к животу, чтобы не мешала бежать. Девушка легко прорвалась мимо сотрудника безопасности, который пытался остановить ее наверху у эскалатора при выходе на платформу и теперь трусит за ней без особого рвения. Другому, ближе к оцеплению, удастся преградить ей путь.

— Пожалуйста, это мой чемодан! — умоляет она.

На крики подходят полицейские и показывают, чтобы ее пропустили.

Она не успевает ни отдышаться, ни извиниться. Симоне, начальник Службы железнодорожной

безопасности, набрасывается на нее, как коршун на добычу, готовый терзать плоть злобными когтями. Ни разу не видел, чтобы он проявил доброжелательность или понимание. Даже интересно, он что, и в личной жизни такой? Есть у него жена, дети, способен он проявить нежность? Сомневаюсь.

— Вы понимаете, сколько времени мы из-за вас потеряли? Делать мне больше нечего, чтоб вам... Взорвали бы чемодан, и поделом!

— Мне очень...

— Молчать! Документы! — рывкает он.

Представляю, что бы я делал на ее месте, как у меня скрутило бы живот. Такого приема она не ожидала. Отчитывают, как девчонку, а ведь она и так осознала свою вину. Вижу по глазам, что ей стыдно. И вдруг в них полыхнула ярость.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать, даже если я совершила ошибку!

— Ошибку? Я буду с вами разговаривать так, как хочу. Пovýступайте мне еще! Документы!

Она пытается сдержать негодование, роется в сумочке, бормоча, что знает свои права. Просит его представиться. Он не отвечает, продолжая мрачно смотреть на нее своим тяжелым взглядом. Симоне не выносит тех, кто не гнется перед ним. Кто осмеливается возражать. Особенно если они не правы. Впрочем, если правы — тоже. Его бесит, когда дают отпор. Я знаю. Будет только хуже.

Я подхожу, надеясь разрядить обстановку.

— Успокойся, Ивон. Мне кажется, девушка и так сожалеет.

— Срать я хотел на ее сожаления. Ты видел, сколько народу на уши поставили из-за одной безмозглой дуры?

— Ивон!

— Пусть платит за свое разгильдяйство!

Она молча протягивает удостоверение личности, сосредоточенно глядя себе под ноги, которые вот-вот обмякнут.

Мне хорошо знакомы всплески ярости, за которыми следует опустошение, когда не за что ухватиться и все разом валится в пропасть.

Она опускается на скамейку платформы номер три в нескольких метрах от нас, обхватывает голову руками и заливается слезами; рыдает навзрыд, словно отдавший наконец неуправляемой лавине.

Я с трудом удерживаю Блума, который возбужден сильнее обычного. С поиском взрывчатки он всегда справляется на отлично, но человеческие конфликты выбивают его из колеи. А уж слезы — тем более.

— Твою мать! Дерьмо! — бормочет мой коллега из Службы железнодорожной безопасности, не отрывая глаз от документа и как будто колеблясь. — Ладно, верни ей чемодан, — говорит он подчиненному, — пусть идет, сворачиваемся.

Затем, не говоря ни слова, быстрым шагом удаляется в сторону лестницы, ведущей в подземные коридоры.

Он не просто уходит, а исчезает, спасается бегством. Ярость шлейфом следует за ним, словно запах плохих духов. Недоволен, что ему не дали как следует разгуляться.

Чемодан девушке возвращает младший офицер, вчерашний подросток. Он протягивает удостоверение, не зная, что сказать. Она не поднимает головы и продолжает плакать. Он осторожно кладет карточку на чемодан, будто тот сейчас и правда взорвется, и, сконфуженный, уходит.

Я не могу поступить так же.

Странное чувство. Что это была за сцена и почему Ивон так поспешно ретировался? Обычно он не отказывает себе в злобном удовольствии позабавиться с мышкой — клевать и смотреть на ее мучения. Он из тех, кто наслаждается чужими страданиями, упивается ими, утверждая свою власть. А девушка — почему она так безутешно рыдает из-за такого, в сущности, пустяка? Не могу же я просто взять и уйти. Только ледяное сердце останется равнодушным к слезам.

Блум сидит и, поскуливая, смотрит в сторону скамейки.

Я отстегиваю поводок: «Ну, давай!»

Пес устремляется к ней, но на полпути притормаживает, бегаёт взад-вперед, кружит, потом наконец решается подойти и просовывает морду ей под руки, пытаясь дотянуться до лица.

Она отворачивается. Тогда он садится рядом и кладет морду ей на ногу, тоненько поскуливая.

Спустя несколько минут она достает из сумки большой белый платок, вытирает слезы и гладит собаку, пытаясь улыбнуться.

— Надеюсь, вы не боитесь собак.

— К счастью, нет...

— Блум бойкий, но ласковый.

— Я заметила.

— С вами все хорошо?

— Да. Наверное. Спасибо.

Она избегает моего взгляда, ей все еще стыдно за то, что произошло.

Мне хочется спросить, как ее зовут, сохранить хоть какой-то след, что-то конкретное. Не дать ей бесследно раствориться в безбрежном безымянном океане людей, из которого она вынырнула ко мне.

Или самому назваться. «Меня зовут Адриан, и мне хочется вас защитить».

Я смотрю, как она поднимается, пытается взять себя в руки, поправляет платье, улыбается мне так, что я ни капли не верю, и, пошатываясь, пьяная от опустошенности и горя, уходит, волоча за собой чемодан.

Я сажусь туда, где она сидела, и глажу напарника, хвалю за острый нюх и человеколюбие. Мое оказалось не готово к решительным действиям.

Эта девушка разбила мне сердце. Как я от него устал, оно рвется на части по любому поводу, от рыданий любого незнакомого человека.

Но тут в кои-то веки Блум со мной согласен. Он тоже подозревает, что внутри этой девушки спрятана бомба, которая вот-вот взорвется.

Я смотрю на пассажиров на платформе номер один — стоящих, идущих, высоких и низких, в кроссовках и в туфлях, с телефоном в руке или уставившихся в пустоту. Куда они едут? На важную встречу? На свидание? Навестить тяжелобольного родственника? Сколько в них спрятано бомб?

Моя взорвалась несколько лет назад. Я до сих пор разгребаю обломки.

Надо было завести собаку-спасателя, обученную поисковой работе под завалами. Сэкономил бы время.

Мне хочется снова увидеть эту девушку, сам не пойму почему. Когда я смотрел, как она вытирает слезы о мою собаку, передо мной за долю секунды промелькнуло возможное будущее — как прошлое перед смертью. Наше с ней будущее. Это глупо. Я даже не знаю ее. И скорее всего, больше не увижу.

А мне ведь почти удалось стать невосприимчивым к ужасу этого мира, Мали мне в этом очень помогла. Но не в этот раз, не с ней. Я почувствовал, что стою на краю бездны страданий, как на вершине скалы, что пустота зовет меня и надо броситься туда, чтобы спасти эту девушку. Диана бы сказала, что моя природа опять берет свое. Защищать, защищать, защищать.

Но еще сильнее меня поразила та сила, которая исходила от этой маленькой, съезжившейся на скамейке фигурки. Непоколебимая сила, которая притягивала меня, как мотылька — свет.

Срочный вызов спасает меня от бестолковых мыслей. Подозрительный пакет в аэропорту.

Жизнь продолжается, и плевать она хотела на чьи-то рыдания и на мотыльков.

Глава 3

Такая роль

Адели звонит нечасто. Но раз уж звонит, повод обычно серьезный: либо ей нужна помощь, либо она хочет в очередной раз склонить меня к экологически ответственному поведению. Будет трезвонить, чтобы спросить, прилепил ли я на почтовый ящик наклейку «Просьба не бросать рекламу», и не повесит трубку, пока я не пообещаю это сделать.

Я отхожу в угол цеха, жестом показывая коллеге, что должен ответить. Когда я работал на производственной линии, то не мог прерываться. Теперь я бригадир, свободы побольше, хотя я ею не злоупотребляю. Несмотря на шум станков, с первых же слов племянницы я понимаю, что что-то случилось.

— Где она?

— Все еще в отделении, они завтра посмотрят и решат. Должны выписать. Дежурный врач посоветовал специалиста, который будет ее наблюдать.

— Наблюдать за чем?

— За ее душевным состоянием.

— Что с ней?

— Не знаю, дядя. Понятия не имею.

Злясь на сестру и волнуясь, Адели рассказывает, что случилось.

— Я ее позвала на нашу студенческую вечеринку по случаю начала учебного года, и она там начала пить. Прямо напиваться. Ты же знаешь, она так обычно не делает. Я еле успела ее вытащить, такие же бухие парни на нее прямо лезли. И тут у нее случился какой-то срыв, она начала плакать навзрыд. А потом ей стало нехорошо, и мы вызвали скорую.

Мне сложно представить, чтобы Капуцина могла устроить что-то подобное. Она всегда была рассудительной, серьезной, благоразумной. Даже чересчур.

— Из-за чего такое могло произойти?

— ...

— Адели?

— Незадолго перед этим я ей сказала, что бросаю медицину. А еще она забыла в поезде свой чемодан. Когда она вернулась на вокзал, там полицейские уже все оцепили из-за подозрительного багажа и отчитали ее по полной программе. Переизбыток эмоций за день.

— Ты блестяще окончила первый курс и бросаешь медицину?

— ...

— Адели? Ты уверена?

— Уверена!

— Понимаю, почему она могла быть не в себе.

— Это моя жизнь!

— Ты прекрасно знаешь, что ее это тоже касается!
Я могу ее навестить?

— Давай подождем, пока она вернется домой. Я дам тебе знать.

У одной срыв, другая ни в грош не ставит свой успех. Я вешаю трубку с тяжелым сердцем. Капуцина и Адели — самое дорогое, что у меня есть. Я часто думаю, будет ли у них когда-нибудь тихая жизнь. Непохоже.

Сколько мне, молчаливому свидетелю их переживаний, доводилось видеть взлетов и падений... Сколько кризисов за все эти годы. Больших и маленьких, на час и на годы. Взять подростковый период Адели, она тогда всем дала жару. Капуцина держалась молодцом, все взвалила на себя. А сегодня гнется, как молодой весенний саженец под зимним ветром. Снежные хлопья слишком рано легли на неокрепшие ветви.

Я чувствую себя беспомощным. Младшая все решила, не поинтересовавшись моим мнением, у старшей нервный срыв, а я ни о чем не подозревал. И конечно, будет выкарабкиваться сама, всегда так делала. Сгусток смелости и решимости до остервенения; слепа и глуха к предостережениям — лишь бы не ударить в грязь лицом, лишь бы не опозориться. «Может, тебе стоит... Ты

не думаешь, что... Ты не пробовала... Будь осторожной...» Все без толку. Упрямится себе во вред.

Все-таки схожу ее проведать, поговорю, приведу в порядок машину Жан-Батиста, к которой она по-прежнему не хочет прикасаться, подготовлю кусты к зиме, займусь садом. В цветах она прекрасно разбирается сама, ухаживает, заботится о них, мне же доверяет небольшой огород, который я разбил для них лет десять назад. Говорит, я единственный, у кого получается вырастить овощи, действительно похожие на овощи. Не буду спорить, есть у меня к этому некоторый талант, от деда. Тот целыми днями возился в земле. Он меня всему и научил. К тому же так я могу побыть с ней, пусть и молча. Когда мы вместе работаем в саду, то общаемся через цветы. Смотрим на подсолнухи вдоль забора и думаем, как мудро они тянутся к свету. Наблюдаем, как из года в год по воле ветра самосевом разносится огуречник, не спрашивая нашего разрешения. Как прорастают молодые побеги тысячелистника, и терпеливо ждем, когда на них появятся целебные цветы.

Такая у меня роль. Быть рядом, когда я нужен племянницам, и не вмешиваться все остальное время. Так бы хотел брат.

Большого я сделать не мог.

Хотя мне бы очень хотелось.

Глава 4

Пробудиться от хаоса

Разбуженная резкой болью на тыльной стороне ладони, она открывает глаза. Постепенно выходя из оцепенения, начинает различать детали окружающей обстановки. Металлическая кровать, белая дверь и стены, телевизор на стене, стол и стул. Из коридора доносятся приглушенные звуки — там кипит жизнь, подчеркивая царящую в комнате тишину. Больница. Где в каждой палате своя история и единственное связующее звено между ними — медсестры. История Капуцины бесславна. И довольно безрадостна. Как у всех остальных. В отделение скорой помощи не попадают от избытка счастья. Правда, она никогда не поддавалась искушению побыть жертвой — отдохнуть, перевести дух, просто плыть по течению, а ведь это так заманчиво. Капуцина — боец, стойкий оловянный солдатик, который никогда не жалуется. Да и кому? Вырвать бы засунутую под кожу пластиковую трубку, что так мучает ее, встать и уйти. Но нет, она лежит, заторможенная, под капельницей.

Все четче проступают и воспоминания. Как бы ей хотелось забыть...

Забыть новость, которую сообщила младшая сестра. От сердца, как от старого гобелена, будто оторвали целый кусок, обнаживший серую стену.

Забыть этого мерзкого типа на вокзале. Он прилюдно ее обляял, выставив безмозглой тупицей, которая всех достала своим слабоумием. А она не такая. И никогда такой не была. Капуцина порядочный и надежный человек, она ничего не пускает на самотек и всегда держит себя в руках. Она не сумела за себя постоять. Ей не дали оправдаться. А оправдание было.

Забыть это нелепое желание утопить свои мысли в алкоголе, пытаясь сбежать от реальности и рискуя выставить себя на посмешище второй раз за день.

Забыть непристойные жесты таких же пьяных, как она, парней. Чью-то руку в ее трусиках, палец, ищущий влажный вход. Чужие руки на груди, на шее. Рты, пробующие ее на вкус. Идиотский смех, которым они смеялись, и она вместе с ними, как будто в ее тело вселилась другая девушка: оттеснила Капуцину в дальний темный угол и велела заткнуться, пока она, веселая, раскованная, раскрепощенная, забавляется.

Забыть злость сестры, обнаружившей ее в таком состоянии в углу комнаты, крики Адели, прорывающиеся сквозь оглушительную музыку.

Забыть, как она пришла в себя, рыдая, в карете скорой помощи, забыть, с какой жалостью смотрел на нее один из санитаров.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru